

УДК 378.147 + 070.4 + 008 + 004.77

В. Ф. Олешко

ПОВЕРКА КЛАССИКОЙ

Статья посвящена вопросам формирования профессиональной культуры личности студентов-журналистов, проблеме сопряжения общегуманитарных и профессиональных дисциплин в процессе обучения. Автор, представляя фрагменты эссе, написанных студентами в год 150-летнего юбилея А. П. Чехова, размышляет о традициях, связывающих классическую литературу и журналистику, о «моральных императивах», которые задает она для современного поколения публицистов.

Ключевые слова: профессия, литература, журналист, журналистика, А. П. Чехов, культура, информационная революция, Интернет.

В 1995 г., будучи на стажировке в университете штата Северная Каролина, я побывал на лекции социолога Гэри Т. Маркса. Поначалу, честно говоря, она не произвела особого впечатления, поскольку речь шла о вещах, в общем-то, известных, если не сказать банальных: настоящий профессионал должен время от времени заниматься саморефлексией, больше читать, постоянно расширять круг общения и т. п. Интересными мне как преподавателю факультета журналистики показались только некоторые предложенные им технологии творческой деятельности. И то только потому, что во многом были схожи с теми, которые на лекциях использовал я. Но чуть позднее появилась его работа в одном из американских изданий [4, 102–125], вызвавшая широкую дискуссию, в том числе и в Интернете, а три года назад российский научный журнал опубликовал фрагменты большого исследования данного автора [2, 129–138], которое, собственно, и «замкнуло цепь»: «Эврика!», ведь все эти и другие размышления по поводу творческого развития личности в вузе предполагают формулирование «моральных императивов» любой профессии.

Гэри Т. Маркс, ныне профессор Массачусетского технологического института, говорит чаще всего о социологах, но ведь никто не будет спорить, что мы, журналисты, как и они, «профессионально предрасположены относиться критически ко всему личному, когда оно появляется в нашем творчестве». Профессор призывает «учить будущих профессионалов не в рамках стерильных, официальных и схоластичных представлений о профессиональном предназначении». И здесь нет противоречия с нашими установками. Важно научить человека видеть общую картину, определить свое место в ней, рефлексировать, почему и как мы выполняем нашу работу, и понять, что придает значение нашей жизни. Не менее важное замечание. Для воплощения данных интенций на практике он предложил 37 моральных императивов. Тон их шуточный, но «это идеи, в которые я очень верю», пишет автор. Позволю себе процитировать

ОЛЕШКО Владимир Федорович — доктор философских наук, профессор, завкафедрой периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: Vladimir.Oleshko@usu.ru).

© Олешко В. Ф., 2011

только три из предложенных им императивов. Прочитав их, я думаю, любой преподаватель журфака обеими руками будет голосовать за них:

- «1. Развивайте привычку критического мышления, оценки и наблюдения.
 - Имейте свое мнение, выражайте его, приводите доказательства в его пользу.
 - Четко выделяйте критерии, которые используете при оценке, умейте расставить приоритеты.
 - Будьте страстными!
2. Пишите ясно и логично.
 - Работайте над формой и содержанием.
 - Читайте художественную литературу и поэзию.
 - Откройте силу метафоры, цените эстетические качества языка.
 - Постоянно редактируйте себя, читайте свою работу вслух, совершенствуйте ее, рассматривайте как черновик до выхода в свет.
3. Пишите везде, все время, по любому поводу.
 - Всегда с собой блокнот и карандаш.
 - Особенно плодотворны для этого скучные мероприятия.
 - Когда не спится, или рано проснувшись.
 - Записывайте идеи со сна, иначе потеряете.
 - *Сочиняйте везде и пишите на всем, что сохраняет карандашные каракули...»* [2].

Все верно и не вызывает возражения. Но сразу же возникает извечный для любой творческой профессии вопрос: «А применимы ли эти и другие идеи в системе профессионального образования? Или это рекомендации для индивидуального, так сказать, творческого самосовершенствования?» То есть практическая реализация данного рода технологий, их усвоение или отторжение — самое интересное в подобного рода «императивах». О чем и поговорим чуть подробнее, поскольку в современном журналистском образовании это самая дискуссионная проблематика.

Выделим только одну проблему — универсальности гуманитарного образования и сочетаемости данной тенденции с профильным обучением. Неоднократно приходилось слышать, к примеру, сетования не только студентов, но и некоторых коллег по поводу слишком объемной в нормативной части учебного плана подготовки будущих журналистов филологической составляющей. И действительно объем истории отечественной и зарубежной литературы не мал, по количеству часов лекционных и практических занятий он сравним даже с профессиональными дисциплинами. Но ведь это дает выпускнику возможность получить основательную филологическую подготовку. Плюс очевидный. Правда, на любом журфаке есть и не очень радивые студенты. А также те, кто в большей степени ориентирован не на оценки, а на практическую деятельность в СМИ, причем нередко совмещая при этом учебу и работу. Так вот, как сами они, а также некоторые студенты заочного отделения признаются, при освоении данных курсов студент зачастую бывает больше ориентирован не на добросовестное чтение литературных произведений и системное восприятие классики, а на подготовку к сдаче тестов. Тех, что схожи с приснопамятным ЕГЭ, только уровня высшей школы. Не будем дискутировать на тему «Уместно ли

применять тестовую систему при изучении классической литературы?». Преподавателям, использующим ее, и методистам-филологам виднее. В свете рассуждений об «императивах профессии», а также обязательного ныне компетентностного подхода к обучению (коллеги-преподаватели поймут, о чем я) зададимся вопросом о взаимопересечении литературы и журналистики.

А подтолкнули меня к размышлениям на эту тему шведские коллеги. В университете города Кальмара совместно с преподавателями школы журналистики FOJO мы дискутировали о преимуществах и недостатках Болонского процесса. У современной системы европейского высшего образования, как выяснилось, и о чем в России почему-то мало говорят, есть и немало противников. Но в ходе бурного обсуждения данной проблемы не было ни одного человека, кто бы отрицал важность фактора прямого «сопряжения» различных гуманитарных дисциплин, имеющих место в этом случае. Меня этот факт очень заинтересовал. Позднее попросил объяснить, что имелось в виду под термином «сопряжение»? Профессор Клас Тор объяснил просто: «В консерватории учат музыке в целом. Но есть профильный инструмент, который ты должен освоить в совершенстве. В журналистике учат, по сути, творчеству. Но твой инструмент — текст. Вот и создавай тексты разной спецификации».

Выяснилось, что в программе университета и школы FOJO, где в основном повышают квалификацию журналисты-практики, много курсов, не просто развивающих креативность сознания, но и перебрасывающих «мостки» к освоению на первый взгляд сугубо теоретического материала. К примеру, в изучении шведской и зарубежной литературы обязательно делается акцент и на публицистическое творчество писателей. Ведь практически все из них с этого начинали или, наряду с созданием литературных произведений, активно сотрудничали с периодическими изданиями. Кстати, многие шведские писатели ведут практические спецкурсы для журналистов — кто как не они может научить создавать оригинальные тексты. История журналистики активно «сопряжена» с курсами профессиональной этики и права. В их рамках, считают здесь, как нельзя лучше, в развитии можно наблюдать взаимоотношения общества и СМИ. Курс «Креативные коммуникации» предполагает освоение студентами практических основ владения родным языком, стилистикой, а также риторики и психологии. «Основы культурологии» взаимосвязаны с обязательными для освоения курсами профессиональной фотографии, графического дизайна и... музыки. На мои удивленно поднятые брови реакция была незамедлительная: «Интонации теле- или радиоведущего, раздражающие аудиторию, неумело подобранные интершумы или музыкальное сопровождение — это от того, что у выпускников-журналистов элементарно не развит музыкальный слух». Не согласиться с этим я просто не мог, потому что от многих коллег давно слышу о подобной взаимосвязи: еще и на уровне неверных ударений в словах, стремлении к повышению модуляции голоса и т. д. и т. п. А еще по всем этим курсам систематически пишутся авторские тексты — эссе, зарисовки, комментарии, рецензии и т. п. Зачет сдается по двум показателям: письменные работы и устное собеседование на знание первоисточников. Причем первая составляющая, оцениваемая в баллах, более весома.

Но вернемся к проблеме «сопряжения» классической литературы и журналистики. А могут ли преподаватели профессиональных дисциплин инициировать в данном случае активность студентов? Обращусь к своему опыту, который я попытался апробировать уже в нескольких университетах России. Поскольку нынешнее поколение студентов-журналистов даже классиков читают чаще всего в электронном варианте или скачивают фрагменты из Интернета, я время от времени делаю им «бумажную прививку» — чтобы почитали не просто книги того или иного автора, а желательно собрания сочинений и затем написали эссе. Так было, к примеру, с А. П. Чеховым и его творческим наследием. Весной нынешнего года в рамках курса «Психология журналистики» дал третьекурсникам разных университетов творческое задание — написать эссе на тему «Чеховские традиции в современной журналистике». Можно было взять любое его произведение, желательно не читанное внимательно ими ранее или подзабытое, и попытаться найти какие-то аналогии или реминисценции с современным журналистским творчеством.

Первое же произведение моих студентов изрядно повеселило¹. Цитирую:

В неоконченной, к сожалению, но очень познавательной для современных митрофанушек книге «О Чехове» Иван Алексеевич Бунин приводит такой эпизод. Как-то Антону Павловичу показали новенький, еще пахнущий типографской краской сборник со стихами декадентов. На обложке заглавие книги и имена авторов были расположены очень необычно, не традиционно — не по центру, а в углу: так издатели хотели заявить о себе как борцах с косностью и с существовавшими оформительскими канонами. Чехов мельком глянул на книжку, весело засмеялся и сказал: «*Это для косых!*» Мне иногда кажется, что, если бы классик отечественной литературы был сегодня жив, то, почитав большинство современных газет и журналов, он непременно заметил бы с хитрецей: «*Это же для тупых!*» А заглянув на большинство интернет-сайтов, добавил бы: «*А это для больных!*».

Дальше — больше. В другой работе молодой человек, видимо, впервые открывший книгу с ранними произведениями писателя, завершил свое дюже эмоциональное эссе по поводу «осколков» фразой, больше соответствовавшей предыдущему периоду нашей истории: «Чехов жил? Чехов жив. Чехов будет жить! Поскольку то, о чем он говорил в полный голос — обличая мещанство во всех проявлениях, чинопоклонение и банальную человеческую тупость — современное поколение журналистов предпочитает замалчивать в угоду якобы беспристрастному информированию, по сути же, хозяевам СМИ, узнающим себя и своих деток в некоторых героях».

Были и маленькие открытия. По-настоящему порадовала меня отличница Маша П. В предъюбилейной суете подготовки к 150-летию А. П. Чехова она как настоящий литературовед-исследователь смогла увидеть и тех, кто, говоря современным языком, пиарил себя на классике. Так, в новейшем многотомном издании собраний сочинений А. П. Чехова [3], вышедшем под «патронажем» видного политического деятеля, но, видимо, без привлечения серьезных

¹ Здесь и далее цитирую студенческие работы, сохраняя авторский стиль и пунктуацию.

литературоведов, она обнаружила в примечаниях, составленных неким Ив. Жуковым (не тем ли «Ванькой-письмописцем», и не явный ли это псевдоним?) ряд несуразностей. Одна из них имеет прямое отношение к письмам, по мнению автора примечаний, «повествующим о путешествии писателя на остров Сахалин и далее вокруг света». Как пишет студентка, «да ведь даже любознательный школьник знает, что “вокруг света” Чехов никогда не плавал, просто возвращался обратно океанским пароходом».

Но вернемся к эссе. Наталья Б.:

Впервые за время учебы в университете смотрела на чистый лист бумаги и не знала, как подойти к этой теме. Не хочется быть банальной, а глубина требует обращения к первоисточнику... Перечитала два тома классика. По-иному взглянула на хрестоматийные произведения. Угол зрения — а ведь все началось с конкретного факта — позволил уйти от этой самой банальности. А еще критично взглянуть на состояние современных СМИ. Если хотите, открыла глаза и поняла, что о «добром и вечном» сейчас почти не пишут. Раньше всех убеждала в обратном. Наивная была. Хотя «желтизной» болеют на все СМИ. Некоторые поразила другая болезнь — имя ей «утопия». Симптомы которой приторно-сладкое воспевание действующей власти и ее идеального мира. И у всех телеканалов, радиостанций, газет и журналов есть свое «хроническое заболевание». Панацея же — классическая литература, в частности, А. П. Чехов, который давно осмелел всю неестественность и противоестественность человеческому бытию многого из того, что нас окружает сегодня.

Эту же тему продолжает Дарья М.:

«Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пером, умея найти плесень пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже — с блеском...» Мне кажется, любой современный журналист, услышав такие слова о себе, мог бы сказать, что не зря прожил он свою жизнь, не зря выбрал свою профессию, не зря отдал ей все свои силы и способности. Однако боюсь, что журналиста, достойного сегодня такой оценки, найти непросто. Эти слова написал Максим Горький об Антоне Павловиче Чехове. О писателе, чье творчество не знает непростительно, а не любить невозможно... Но вот только современной журналистике многие из его сюжетов совершенно чужды. «Не формат» скажут многие журналисты и их руководители. Поэтому, видимо, на страницах и в эфире наших СМИ пугающе мало *людей* — настоящих, а не спрятанных под масками должностей или буквами стандартных формулировок. И так мы привыкли обвинять в своих горестях всех вокруг — власть, врачей, журналистов, соседей — что о себе-то и забыли. Вроде бы и понимаем, что что-то не так, а поискать это «не так» в себе самих догадаться не можем. А подсказать — некому... «Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадежной тоской на лице и в груди, красивым искренним голосом сказал: “Скверно вы живете, господа!”» (М. Горький об Антоне Чехове).

Светлана К.:

У меня две литературные Любви — Чехов и Довлатов. О первом могу сказать: нерв отечественной литературы. Его проза и драматургия то и дело врываются в нашу современную жизнь как звук лопнувшей струны в известной драме. О втором лучше всего сказал литератор-постмодернист Слава Курицын, кстати, журналист по образованию, выпускник УрГУ: «Проза Довлатова — веселая, но боль». Для каждого из них

один из любимых приемов — стилистический параллелизм. У Сергея Довлатова: *«В ясном небе пролетали галки. Под горой над болотом стелился туман. На зеленой траве серыми комьями лежали овцы. Я шел через поле к турбазе. На мокрых от росы ботинках желтел песок. Из рощи тянуло прохладой и дымом»* («Заповедник»). У А. П. Чехова: *«Тут есть тихая бухта, по которой ходят пароходы и лодки с разноцветными парусами... Тут есть парк, какой вы найдете теперь во всяком заграничном курорте»* («Ариадна»). Не правда ли много общего?..

Впрочем, пора обратиться к основной теме — «Чеховские традиции в современной журналистике». «А есть ли они? Может, одни перепевы? Или парфразы? Или просто-напросто извращенная неумелыми и малоталантливыми интерпретаторами мелодика?» Что же, если отбросить явное бравирование автором своими околмузыкальными познаниями, вопросы сформулированы верно, по сути. Что считать традиционным, а что новаторским? Причем, как в творчестве самого Чехова, так и современных публицистов.

Даша В.:

В постсоветский период художественно-публицистические жанры потерпели поражение. И все же, после периода гонки только за информацией, после того, как нормой была подача одних только фактов в сухой манере, журналисты вновь возвращаются к осознанию значимости и небанальной темы, и литературного стиля, языка, то есть к художественно-публицистическим жанрам. Внутренняя связь между различными жанрами журналистики обусловлена единым типом творчества — публицистическим, а внешняя — тем, что каждый жанр журналистики, в отличие, например, от жанра литературного, всегда порождается потребностями отражения современной жизни с целью воздействия на общественное мнение. В чеховский период жизни России данный термин, наверное, еще не знали, но то, что именно Антон Павлович Чехов был человеком, во многом определявшим нерв общественной жизни, — несомненно. История жизни обыкновенного человека — эта его традиция продолжается сегодня не «Космополитеном» с его выдуманными историями, не «Караваном историй», где беллитризируют жизнь VIP-персон, а «Русским репортером». В конце 2010 года в киосках появился номер с подзаголовком: «Лица России. Лучшие интервью и очерки о людях». Смотрите, как по-чеховски, сразу со слов самоироничного героя, начинается очерк о молодом атамане (см. [1]. — В. О.) азовской станицы: *«— Про Томаса Мора и его утопию я читал. А вот о Кампанелле узнал, только когда меня так обозвали. Дай, думаю, в книжках посмотрю, ругательство это или нет. Оказалось, что очень даже лестно, — говорит Сергей Сенник, атаман города Азова и Азовского юрта (района), пряча в углах рта насмешку над самим собой. Самоирония — признак человека неглупого. Если только это не игра в самоиронию: тогда — человека коварного.*

— А еще я стал Люцифером.

— Господи, а Люцифером-то почему?

— Люцифер — хоть и падший ангел, но светлый. То есть все его заблуждения — от добрых побуждений. Я с этим согласен: если что и придумываю, ошибаясь, то не со зла. Свою роль тут сыграло, наверное, и название станицы — Светлая».

Не скрою, меня как педагога больше всего радовал сам факт небанальных размышлений студентов, в том числе и по поводу лекционного материала, который принято называть «пройденным». Ведь вообще трудно, практически невозможно, научить студентов-журналистов творчеству. Попытаться создать творческую атмосферу, которая поможет реализоваться творческой личности, можно. Причем не исключено, что произойдет это даже не сразу, а гораздо

позднее. Творчество Чехова для меня в этом смысле очень важный, уникальный, с позволения сказать, методический материал. Ведь многие его ранние произведения можно рассматривать как результат собственно журналистской деятельности.

Цитирую очередное эссе. Даша З.:

Литература и журналистика — кровеносная система в организме человека. Не имеет значения, что из этого вены, а что артерии — у каждого индивидуально. Важно другое — они между собой неразрывно связаны. Существовал и ныне существует традиционный механизм: в вечном поиске себя писатели, ставшие позднее классиками, начинали с журналистики. Позднее, толи устав от текстов публицистического толка, толи созрев духом, талантом до чего-то более масштабного, уходили в литературу. Имена? Долго и думать не приходится — Чехов. Да та же Маргарет Митчелл начинала репортером «Атланта Джорнал». А что отличает литературные произведения этих авторов? Элемент автобиографичности, настоящая жизнь, которая просвечивает между печатными строчками. У писателей, пришедших из журналистики, особое чутье жизни, они умеют писать, словно документируя реальность. На ум приходит фраза, как-то произнесенная в эфире 5 канала Юлией Латыниной: «Журналистика — это черновик для моих книг». Под этими словами, вероятно, могли бы подписаться и Чехов, и Достоевский, и Митчел. А еще мой любимый писатель Жан-Кристоф Гранже.

Еще одно мнение:

Читал в собрании сочинений А. П. Чехова «Дело Рыкова и комп. (От нашего корреспондента)». Привлекло то, что упомянуто слово «корреспондент». Думал, стилизация или иронические заметки из зала суда. А оказывается, это добросовестнейший и небанальный отчет. Как жаль, что не прочел это произведение в тот период, когда мы на первом курсе проходили информационные жанры. А сравнить его с современными, скучнейшими, чаще всего подготовленными на основе пресс-релизов пиар-менеджеров, даже стыдно. Там Чехов — яркий публицист со своей гражданской позицией, зоркий наблюдатель, талантливый стилист, остро чувствующий и умело передающий устную речь... Нет, я теперь больше никогда не посмею писать отчеты-отписки.

Помнится, в прошлом учебном году у нас с третьекурсниками много дискуссий было по поводу исходного материала по теме «Социально-психологическое моделирование в журналистике», а конкретно — по поводу представленных в современных СМИ различных типов (моделей) журналистов-практиков: «информатор», «разгребатель грязи», «писака», «самовлюбленный» и т. п. На лекции попросил вспомнить произведения Чехова, и мне наперебой стали подсказывать «типы-характеры», которые можно было на взгляд аудитории соотносить с журналистами: «Попрыгунья» — имярек из «Комсомолки», судя по творчеству которой она адекватна литературному персонажу, «Толстый и Тонкий» — взаимоотношения однокашников журфака, разведенных по служебной лестнице, «Унтер Пришибеев» — редактор-самодур, знакомый по производственной практике...

Татьяна Х.:

Литература, нашедшая свое отражение в современных СМИ? — Конечно же, чеховско-гоголевские персонажи. Акакий Акакиевич — человек, у которого даже имя говорящее — а как??? А что делать?? А куда обращаться? И сразу же вспоминаются

сотни людей, звонящих, пишущих в редакции современных СМИ с вопросом: «Как нам быть?» Журналист для них олицетворение не только «власти», но и «душевного собеседника», который может единственный и выслушает. Нашелся бы у Башмачкина таковой, и жизнь его сложилась может быть бы иначе. Проблема «маленького человека» сегодня, впрочем, как и всегда, очень актуальна. Так же, как и «человека в футляре». Каждый прячется в свой футляр, надевает свою маску, уходит в свой мир. Виртуальный. Люди не знают, как жить, поступить в той или иной сложной ситуации. Они попросту теряются. Ходят по улицам своего родного города и боятся, что с них сдерут шинель — отнимут самое дорогое. Или боятся вылезти из футляра и показать себя такими, какие они есть на самом деле, потому что чувствуют себя в этом случае беззащитными... За осознание этого понимания мы и благодарны классике. Причем не только литературной, но и журналистской. Она тоже есть. У каждого своя. И не обязательно этот журналист широко известен. Просто он в нужный момент подсказал тебе выход из тупика. Разве не в этом миссия?

Юлия С.:

Журналист — историк современности. Эта истина известна давно. Мы конструируем реальность, создаем мифы о действительности, на свой вкус сортируем и продвигаем факты, мы, словом, расставляем акценты. Немудрено, что люди искусства, с оглядкой на нас, «вдохновляются» сотворенной нами картиной мира... Я всегда восторгалась творчеством очеркиста «Известий» Анатолия Аграновского. По содержанию его очерки мне почему-то напоминают ранние рассказы А. П. Чехова. По форме же публикации Аграновского иной раз можно спутать с новеллой: такой же стройный, лаконичный и динамичный стиль повествования. А что особенно интересно, «злоба дня» в его работах не отражалась ущербно на качестве публицистики. Она всегда была своевременной и современной. Как известно, А. Аграновский отражал и выражал умонастроения 60–70-х годов прошлого века. Как Чехов умонастроения конца XIX века. Почему мы и сегодня их чтим и читаем в равной степени внимательно как литературные произведения классика, так и очерки публициста? Просто они сумели не только, подобно большинству «реалистов» (критических или социалистических), отразить жизнь, но и повлиять на нее, продвинуть нас всех вперед в понимании того, что происходит вокруг тебя...

Еще один студент рассказал небанально о классике, поскольку считает — его как никого другого всегда интересовала история жизни обыкновенного человека. Иван Г.:

Указание на этот жанр во многих произведениях Чехова, на мой взгляд, кроется в реплике из шекспировского «Макбета»: «Жизнь — это история, рассказанная сумасшедшим, полная шума и ярости». Природа рассказывания — последовательное развертывание эпизодов, подчиненных определенной структуре (к примеру, «Хамелеон»). Задача — помочь читателю представить себе и эмоционально (смешно, трагично, пафосно, притчево) пережить то, о чем рассказывается («Толстый и Тонкий»). Сюжет очень важен: нужно, чтобы человек мог «примерить» ситуацию на себя или свое окружение («Дама с собачкой»). Жанр истории, освоенный «по чеховской технологии», на мой взгляд, дает журналисту искусство полной свободы распоряжаться материалом, в отличие от банального пересказа. Задача одна — увлечь. Поскольку важна фигура рассказчика, то важным элементом должна быть и избранная им интонация (возьмите хотя бы классические письма «ученому соседу» и Ваньки Жукова). Автор в своих умело поданных историях, как правило, выходит за рамки сиюминутности, вызывая у читателя эстетическую реакцию, задевает его душу, чувства — в этом для меня главный урок Антона Павловича Чехова.

Интересная параллель содержалась в работе студентки:

Зачиталась неожиданно актуальным для сегодняшнего дня памфлетом (я его так оценила) А. П. Чехова «Интеллигенты-кабатчики (Письмо в редакцию)»: *«Евгений Онегин и Печорин, метившие в члены присутствия, не выбраны, как лица, принадлежащие к числу содержателей питейных заведений в уезде. Лаврецкий, этот милый человек, посвятивший свою жизнь борьбе с народным пьянством и говорящий на юбилейных обедах такие горячие, смелые речи, не попал в члены, потому что держит три кабака и один трактир. Толстовский Левин отказался от председательства, ссылаясь на то, что он и его Китти только и живут доходами с кабаков. Юхновские предводитель, председатель земской управы и председатель съезда мировых судей, которые по закону должны были бы войти в состав присутствия, заменены другими лицами, так как торгуют в кабаках...»* Представила, что если бы нашелся сегодня яркий публицист, который бы подобно ему, высмеял дурость с ЕГЭ, который не смог бы сдать Пушкин с Лермонтовым, Толстой с Чеховым, вот это было бы круто!

Другой автор обратил внимание на такую очень популярную, по его мнению, у современных литераторов и журналистов «чеховскую» особенность творческого письма:

...во многих произведениях получает развитие мотив «не-развязки»: к примеру, внешне по сюжету не происходит развития, или мы так и не узнаем — придут ли герои к каким-то изменениям в своей жизни, и т. д. За тонкую стилистику и небанальное описание я очень полюбил впервые прочитанный мной рассказ А. П. Чехова «Невеста». Но мы ведь не знаем, что, кроме радости избавления, обрела его героиня?.. Из публицистов этот прием часто использует Дмитрий Соколов-Митрич. Он из числа немногих современных журналистов так же небанально может строить сюжет, умело интриговать, неспешно вплетать в стилистическую ткань жизнеописания героев, которых он несомненно любит. Вот любви-то к людям в современной, вечно спешащей куда-то журналистике как раз не хватает. Когда-то еще в школе я от учителя литературы услышал слова, поразившие меня. По-моему, Чехов (я сейчас искал, но не нашел их в письмах Антона Павловича) писал кому-то из близких людей: «Пишу длинно, потому что нет времени писать коротко...» Главная чеховская традиция — писать короткие тексты, но масштабные по уровню осмысления жизни вокруг тебя — нарушена не только в журналистике, но и литературе.

Когда читаешь подобные откровения, написанные рукой студентов, которых мы порой в запальчивости называем то «инфомальчиками», то «клиповым» поколением, понимаешь, как важно включать в задания элемент истинного творчества. Пробудить же его можно, лишь по-настоящему чем-то заинтересовав современных молодых людей или открыв для них новую сторону вроде бы очень знакомого автора. Поскольку литературная работа многих авторов конца XIX — начала XX в. — А. П. Чехова, А. М. Горького, не говоря уже о творчестве В. Г. Короленко, В. А. Гиляровского, А. Т. Аверченко и ряда других — была тесно связана хотя бы в начальный период непосредственно с их публицистической деятельностью, то, на мой взгляд, было бы большой ошибкой не учитывать это методически — при разработке программ и учебных заданий для студентов-журналистов и филологов. Может, и не в той форме, что приведена выше, в иной, более творчески выраженной.

Сейчас много говорят и пишут об отрыве современной журналистики и средств массовой информации в целом от «духовной» составляющей нашей

жизни. Аналитики, исследуя материалы газет, твердят, что герои, появляющиеся на страницах российских изданий, потеряли человеческое лицо и что сложившаяся ситуация отвечает запросам читателей, их «оскудевшим» интересам.

«Что случилось? Почему наш брат журналист так охотно превратился в скучного ремесленника, полагающего, что жизнь состоит только из Чубайса, курса доллара и евро, бандитов и проституток?» — об этом говорили мы на прошедшем в сентябре 2010 г. в Челябинской области Фестивале СМИ. Почему многие российские газеты и журналы похожи теперь друг на друга, как воспитанники сиротского приюта? В один день две-три разные газеты можно не открывать, все заранее известно: первое лицо улетело, но скоро вернется; Чубайс решил всех заморозить; два милиционера нашли три грамма наркотиков, семь гранат и отрубленную руку; Алла Пугачева сделала очередную операцию, но по ночам тайно ест сосиски; известные солисты после приснопамятного новогоднего «Голубого огонька» теперь начали на три голоса разучивать песню «Голубая тайга»; очередная авария или катастрофа: спастись не удалось никому; гороскоп, кроссворд или сканворд. Все... Как шутили Ильф и Петров, радио есть, а счастья почему-то нет. Как нет и ярких героев — и не только отличившихся минувшим летом на пожарах, но и в повседневной жизни, в труде и быту.

Наиболее популярное объяснение всей этой ситуации — изменившиеся требования современного печатного рынка. Читателю, мол, не нужны теперь журналистские экзерсисы, мысли, наблюдения и прочая авторская индивидуальность. Население торопится жить, зарабатывает с утра до ночи деньги и ему не до авторской «тягомотины». А если не хватает мучительных размышлений, выразительности и яркости русского языка — можно посетить Интернет, где, как в Греции, есть все, или на худой конец, что не модно, — городскую библиотеку.

В чем-то правы те, кто так считает — мучительных размышлений о судьбах современного человека, аналитических и «воспитательных» материалов в массовой прессе нынче встретишь немного. На первый взгляд — замкнутый круг. Мы, журналисты, сначала воспитываем своим, с позволения сказать, «творчеством» особого рода аудиторию, а затем сетуем на ее бездуховность. Пресса живет словно сама по себе, моделируя ту действительность, которую представляют себе журналисты или их хозяева, читатели же находятся совсем в ином, реальном «измерении». Предсказуемо практически все, о чем можно прочесть. Но ведь не на одних голых фактах, сенсациях, развлечениях держат тиражи ведущие общероссийские национальные издания?

К слову, жизнь простого человека была предметом исследований российской журналистики во все времена. Достаточно вспомнить, что многие литературные произведения русских писателей поначалу публиковались в газетах как публицистические заметки, репортажи, социографические очерки. Да и позднее при разных политических режимах на страницы газет попадали свои герои «из народа» — те, которые были востребованы временем, а иногда и опережали его.

Закончу тем, что послужило источником актуализации данной темы. Убежден — студентам эпохи информационной революции нужна прививка Чеховым и Буниным, Лесковым и Зайцевым, другими авторами, помогающими будущим

журналистам «на слух» воспринимать общественно-политическую и стилистическую фальшь и неискренность. Судьба Антона Павловича Чехова и его творчества в этом смысле, благодаря глубоким исследователям и энтузиастам, пропагандирующим даже отдельные произведения — к примеру, «Остров Сахалин», — складывается более счастливо. Но я не случайно упомянул Н. С. Лескова и Б. К. Зайцева. Мы провели среди недавних выпускников средней школы опрос, в котором просили назвать хотя бы одно произведение этих и ряда других, «не из обязательной школьной программы», писателей. Увы, не отличились в подавляющем большинстве своем даже будущие филологи и журналисты.

Следовательно, «прививку литературными классиками» нужно делать повсеместно. И как можно раньше. Иначе, как показывает практика, слово того же журналиста будет отзываться только в Интернете и звучать как пароль для опознавания «своих»: «Превед медвед...»

-
1. Русский репортер: Лица России. Лучшие интервью и очерки о людях. 2010. 25–31 дек.
 2. Маркс Г. Т. О профессиональной деятельности социолога — 37 моральных императивов // Социс. 2008. № 1.
 3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 35 т. М., 2008. Т. 1.
 4. American Sociologist. 1997. Spring.

Статья поступила в редакцию 15. 01. 2011 г.

УДК 374.3 + 070.4 + 378.4

М. Ф. Попова

КАК ИЗ ЮШЕК ВЫРАСТАЮТ ЖУРНАЛИСТЫ: ПРИНЦИПЫ И ТЕХНОЛОГИИ ДОВУЗОВСКОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье обобщается опыт довузовской подготовки начинающих журналистов к обучению на факультете и к предстоящей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: школа, юные корреспонденты, абитуриент, довузовское образование, профориентация, медиаобразование, сензитивность, образовательные компоненты.

Юшки = учащиеся школы юных корреспондентов = начжурсы — так называли и называют на факультете журналистики УрГУ школьников, которые, проявляя интерес к профессии, пытаются методом погружения

ПОПОВА Мария Федоровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: maria-rova@rambler.ru).

© Попова М. Ф., 2011